

Г Л А В А XII.

НАКАНУНЪ СЕМИЛѢТНЕЙ ВОЙНЫ.

(1750—1756 г. г.)

Безкровнымъ походомъ къ берегамъ Рейна закончили Рязанцы первую половину XVIII столѣтія. Начавъ служебную дѣятельность свою при исключительно тяжелыхъ условіяхъ, въ то время, когда надменный врагъ угрожалъ гибелью дорогой родинѣ, полкъ, по истеченіи полувѣка, съ мечемъ обвитымъ лаврами, стоялъ на Западной Двинѣ уже не для защиты собственныхъ границъ, а какъ внушительная сила, всегда готовая дать отпоръ нарушителямъ тишины и установившагося политическаго равновѣсія въ Европѣ. Не мало для этого понадобилось усилій! Въ теченіи сорока пяти лѣтъ не знали Рязанцы отдыха. Безъ усталы носились они по обширнымъ равнинамъ Россіи, Литвы и Польши, переплывали моря, дрались въ горахъ Кавказа и среди дикихъ скалъ Финляндіи, повсюду грудью отстаивая безопасность отечества, и кровью скрѣпляя зачатки всемірнаго могущества его. На длинномъ пути, въ стремленіяхъ къ великой цѣли, естественно, встрѣчались и неудачи. Муръ-Мыза и Головчино никогда не исчезнутъ изъ памяти Рязанцевъ! Не исчезнутъ, какъ дни кровавые, дни напрасныхъ жертвъ и безплодныхъ героическихъ подвиговъ, но не безславія. Отъ этого хранилъ ихъ Богъ, и на боевомъ полѣ благославилъ справляться всегда честно, по присягѣ.

Не такъ счастливо текла внутренняя жизнь. Суровыя условія продолжительной войны, въ связи съ финансовыми затрудненіями, на все клали свой отпечатокъ, тормозя самыя благія начинанія, особенно въ дѣлахъ благоустройства молодого, еще неокрѣпшаго организма, какимъ былъ Рязанскій полкъ. Лица, стоящія во главѣ

полка, немного тутъ могли сдѣлать, Отъ всѣхъ одинаково требовалось одно только терпѣніе, трудъ, настойчивость, безграничная вѣра въ Бога, въ силы Россіи, ея Царя. И высогія качества эти дѣйствительно не оставляли предковъ нашихъ въ самыя трудныя минуты. Онѣ позволили стойко бороться съ невзгодами, казавшимся подчасъ неодолимыми. Онѣ заранѣе обезпечивали удачный исходъ борьбы. Вспомнимъ, хотя бы, событія 30-хъ и начало 40-хъ годовъ. Не было ли, такимъ образомъ, минувшее пятидесятилѣтіе однимъ непрерывнымъ испытаніемъ прочности нравственныхъ устоевъ полка? А разъ выдержали Рязанцы такую огненную пробу, какая обстановка, какія обстоятельства въ будущемъ могли сломить ихъ?! Правда. Число враговъ ничуть не уменьшилось. Скорѣе наоборотъ. Внутренній строй новой имперіи оставялъ желать много, много лучшаго. Но годы младенчества уже миновали безвозвратно. Дальнѣйшій ростъ былъ обезпеченъ и только не знающая, не понимающая Россія, Европа ошибалась еще въ оцѣнкѣ, совершившагося на Востокѣ грандіознаго переворота. Вскорѣ однакожь и тамъ прозрѣли. Ненависть и злоба, къ неожиданны появившейся круной величинѣ—Россіи, отуманили умы. Съ нами не хотѣли мириться. Насъ не считали равноправными съ собою. Намъ явно и тайно, на каждомъ шагу, воздвигали преграды. Въ столь враждебномъ настроеніи скрывался обильный источникъ послѣдующихъ бѣдствій, которыя, не разъ, живо и близко, имѣли коснуться Рязанскаго полка, этого вѣрнаго, никогда не отказывающаго въ противодѣйствіи оружія открытымъ замысломъ враговъ.

Съ первыхъ же шаговъ послѣ возвращенія изъ Германіи Рязанцамъ пришлось почувствовать всю тяжесть обостренныхъ отношеній къ Швеціи. Не обошлось здѣсь безъ козней все той же маленькой, но опасной Пруссіи. Коварная держава эта, безмолвствуя въ моментъ движенія русскихъ войскъ на Рейнь, усердно интриговала совокупно съ Франціей, дабы развлечь вниманіе Россіи. Весьма благодатной для такихъ цѣлей почвой служила старая наша соперница Швеція, гдѣ, не смотря на жестокіе уроки, находилось много еще лицъ, скорбѣвшихъ объ утраченномъ на сѣверѣ вліяніи. Подбить ихъ ежели не на драку, то хотя на

угрозы, ничего не стоило пруссакамъ. Съ 1748 г. въ Швеціи начинается броженіе, борьба партій принимаетъ ожесточенный характеръ, вызвышаются враждебные намъ голоса, поднимается нежелательный для Россіи вопросъ о замѣнѣ самодержавьемъ представительной формы правленія. Разрывъ еле сдерживался большимъ, нерѣшительнымъ королемъ, дни котораго были уже сочтены. Колебанія шведскаго барометра положительно дергають полкомъ, не уснѣвшимъ съ похода не то что оправиться, но даже и осмотрѣться на новыхъ мѣстахъ. Еще осенью 1749 года Рязанцы на зимнія квартиры перешли въ Эстляндію,¹ а 15-го марта 1750 года на запросъ Военной Коллегіи— „при которыхъ границахъ по нынѣшнимъ европейскимъ обстоятельствамъ войскамъ въ кампаментѣ стать?“ послѣдовалъ отвѣтъ изъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ:² „дабы Лифляндіи и войскъ не изнурить, приумноженія до особаго случая не требуется, но и умѣньшить числа ихъ на западѣ, по нынѣшнимъ конъюнктурамъ, за нужное не признается.“ Фельдмаршалъ Ласси распорядился тогда лагерь Рязанскому полку на 1750 годъ опредѣлить по усмотрѣнію г.-л. Дебриля, „только бы близко къ Ревелю, дабы въ случаѣ экспедиціи можно было полкъ въ лучшее состояніе привести, такъ и для фортификаціонныхъ работъ исправленія.“³ Отсюда видно намѣреніе зачислить Рязанцевъ въ морской отрядъ на случай высадки въ Скандинавію. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и полковой обозъ, за исключеніемъ артиллеріи, не имѣлъ вовсе лошадей, отправленныхъ въ прошломъ году для лучшихъ кормовъ въ Костромскую провинцію.⁴ Но быстро мѣнялись въ то время предположенія. Уже въ августъ мѣсяцъ укомплектованный Рязанскій полкъ, запасшись изъ Ревельскихъ магазиновъ свинцомъ и порохомъ для учебной стрѣльбы,⁵ двинулся въ Лифляндію, гдѣ, соединясь съ расположенными тамъ полками, сталъ въ общій кампаментъ.⁶ Сосредоточеніе на одномъ пунктѣ войскъ различныхъ дивизій вызвало необходимость особаго ихъ подраздѣленія и Рязанцы, зачисленные въ команду генераль-лейтенанта Ливена, составили съ Нарвскимъ пѣхотнымъ, да Лейбъ-Кирасирскимъ полками бригаду генераль-маіора Де-Фридеріціи.⁷ Несмотря на разнообразнѣйшіе толки и слухи, несмотря на ежечастую готовность полка къ выступленію, кампаментъ окончился вполне благополучно. Наступила осень, а съ ней время занятія

зимнихъ квартиръ. Таковыя сначала были отведены въ городъ Нарвѣ, въ районъ команды генераль-маіора Бутурлина.⁸ По неизвѣстнымъ однагожь причинамъ рѣшеніе это не состоялось. Полкъ, хотя и перешелъ въ Эстляндію, но 1751 годъ встрѣтилъ въ мѣстечкѣ Вейсенштейнѣ, Ервенскаго дистрикта, пмѣя роты разбросанными въ киршпильяхъ: Турчель, Саничьевъ, Петерсъ, Антель и Марія-Мардалай.⁹

Между тѣмъ, въ С.-Петербургѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за шведскими движеніями, ожидая опаснаго для русскихъ интересовъ переворота послѣ смерти короля, и готовясь пренятствовать этому вооруженной силой. Въ началъ 1751 года ожидаемое наконецъ совершилось. 25-го марта умеръ старый король. Наслѣдникъ его Адольфъ-Фридрихъ торжественно увѣрялъ, что будетъ содѣйствовать усиленію тѣсной дружбы и согласія съ Россіей. Но это все зависѣло не столько отъ него, сколько отъ имѣвшаго собраться вскорѣ сейма, гдѣ готовился бой сенаторской партіи, стремящейся къ ограниченію верховной власти, съ партіей королевской. Выжиданіямъ, слѣдовательно, и теперь конца не предвидѣлось.

Находясь все цѣло, въ теченіи двухъ лѣтъ, подъ вліяніемъ переменчивыхъ политическихъ обстоятельствъ, перебрасываемый съ мѣста на мѣсто, полкъ терпѣлъ во всемъ крайнюю нужду. Не забудемъ, что провинціи Эстляндія и Лифляндія, переполненные съ 1746 года массою войскъ, окончательно обнищали. Не говоря о продовольствіи, провинціи эти даже сносныхъ квартиръ не могли предоставить Рязанцамъ. Военная Коллегія, стремясь облегчить участь войскъ, въ серединѣ лѣта, возбудила ходатайство о выводѣ по крайней мѣрѣ части полковъ изъ Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи. Отвѣтъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ былъ уклончивый. Вънутрь Россіи, говорили тамъ,¹⁰ „можно часть полковъ вывести, но только въ провинціи пограничныя съ Остзеемъ, особливо близко отъ Финляндіи; донскихъ казаковъ оставить на мѣстахъ; неизвѣстное какое рѣшеніе приметъ собирающійся въ Швеціи сеймъ.“ Рѣшеніе это или вѣрнѣе разъясненіе обстановки послѣдовало лишь въ декабрѣ, когда резидентъ нашъ въ Стокгольмѣ Панинъ сообщалъ, что на сеймѣ никакой опасности

существующей формѣ правленія не предвидится, и Россіи остается только спокойно наблюдать за теченіемъ шведскихъ дѣлъ. Такъ исчезла возможность войны. Войска стали расходиться на болѣе широкія квартиры. Но Рязанскій полкъ не покинулъ Эстляндіи, гдѣ оставался весь 1752 годъ и зиму 1753 года, состоя сначала во 2-й дивизіи, подъ командою г.-л. Ливена, а потомъ въ 3-й дивизіи, генерала, графа, Петра Шувалова.¹¹ Упомянутыя все чаще названія дивизій, бригадъ и измѣненія въ померахъ ихъ требуютъ нѣкоторыхъ разъясненій. Дивизіи, какъ отдѣльной части, въ томъ видѣ, какъ это мы нынѣ понимаемъ, не существовало. Дивизія обнимала значительную часть войскъ, расположенныхъ на громадной территоріи. Напр. 2-я дивизія занимала Эстляндію, Курляндію и Смоленскую губернію. Въ ней числилось 17 пѣхотныхъ полковъ, 3 кирасирскихъ, 3 драгунскихъ, 2 гусарскихъ, 2 ландмилицкихъ и 1500 чел. донскихъ казаковъ.¹² Начальники дивизій кромѣ производства до штабъ офицерскаго чина и распредѣленія генераловъ на должности бригадныхъ командировъ никакими серьезными правами не пользовались. Инспектированіе войскъ находилось въ веденіи комисаріата, частые же перетасовки полковъ дивизіи, даже по нѣсколько разъ въ мѣсяць, мало побуждали начальниковъ къ тщательному наблюденію за дѣйствительнымъ успѣхомъ подготовки ихъ къ бою; но и обширность раіоновъ немало мѣшала этому. Бригадные генералы имѣли еще менѣе основаній заботиться о временно подчиненныхъ имъ частяхъ. Такимъ образомъ, единственнымъ строевымъ управленіемъ въ мирное время надо признать управленіе полкомъ—дивизія составляла какъ бы передаточную инстанцію по болѣе важнымъ вопросамъ только.

Рязанскій полкъ того времени, съ присоединеніемъ къ нему 3-го баталіона, состоялъ изъ одной гренадерской и двѣнадцати мушкетерскихъ ротъ, и въ немъ, по спискамъ къ 20 му августа 1752 года, числилось всѣхъ чиновъ 2146 человекъ.¹³ Офицерскій составъ въ этомъ же году сильно перемѣнился. Убыло 12 офицеровъ, преимущественно старыхъ поручиковъ, съ награжденіемъ чина и переводомъ въ другіе полки, среди же убывшихъ первое мѣсто занималъ подполковникъ фонъ Трейденъ, назначенный ко-

мандромъ Кіевскаго пѣхотнаго полка.¹⁴ Память о подполковникѣ фонѣ Трейденѣ, какъ о начальникѣ, водившемъ Рязанцевъ въ знаменательные дни 1747—48—49 г.г., никогда не изгладится въ полку. Пополненіе образовавшагося некомплекта въ офицерахъ произошло не сразу. Къ 20-му августа замѣщены четыре оберъ-офицерскія вакансіи переводомъ изъ разныхъ частей, двѣ—выпускомъ изъ кадетскаго корпуса, впервые послѣ его учрежденія, штабъ офицерскія же должности, подполковника и премьеръ-маіора, заняли—Феодоръ фонъ Гертень и Андрей Христофоровичъ фонъ Раденъ.¹⁵ Двѣ послѣднія фамиліи заставляютъ обратить вниманіе на процентъ иностранцевъ офицеровъ, служившихъ въ полку. Не касаясь младшихъ его чиновъ, приходилось—на 5 штабъ-офицеровъ 4 иностранца и на 13 ротныхъ командировъ 6, что нельзя признать нормальнымъ, особенно въ отношеніи чиновъ полковаго штаба.

Мирное, ничѣмъ не выдающееся квартированіе Рязанцевъ въ Эстляндіи, между тѣмъ, продолжается до весны 1753 года, когда дипломатія вновь обратилась къ содѣйствію арміи. Прусско-французскія интриги въ самыхъ жизненныхъ для Россіи вопросахъ Польскомъ и Курляндскомъ, о престолонаслѣдіи, обязательства къ Англіи и сознаніе необходимости воспрепятствовать территориальнымъ пріобрѣтеніямъ Пруссіи, гдѣ бы то ни было, вызвали повелѣніе—собрать и расположить на Лифляндскихъ границахъ два корпуса: одинъ—дѣйствующій въ 60 т. съ 4 т. казаковъ, калмыковъ и волохъ и другой—резервный, такой же силы, который въ случаѣ выстуленія перваго, занялъ бы его мѣсто. На границѣ Финляндіи имѣлъ сосредоточиться третій observationalный корпусъ, въ 30 т. человекъ.¹⁶ Указъ, стягивающій почти всю армію на Западъ, конечно, исполноволь только могъ приводиться въ исполненіе, но Рязанскій полкъ къ началу лѣта направился уже въ Лифляндію и сталъ лагеремъ при мызѣ Городіенфоргофъ, въ 7 верстахъ отъ Риги.¹⁷ Здѣсь застало Рязанцевъ распоряженіе о включеніи ихъ въ составъ войскъ дѣйствующаго корпуса, а 31-го августа 1753 г. провѣрена была степень готовности полка полковникомъ Антономъ Минихомъ, специально назначеннымъ для смотровъ нѣкоторыхъ полковъ въ Лифляндіи.¹⁸ Изъ результатовъ

смотра видно, что противъ прошлаго 1752 года численность полка почти вовсе не измѣнилась (2079 человекъ)¹⁹, состояніе же имущества и строевую подготовку полковникъ Минихъ опредѣлилъ слѣдующимъ образомъ:²⁰ „Рязанскій полкъ явился, какъ въ езерциціи, происходящей въ силѣ Государственной Военной Коллегиі Указа, состоявшагося въ 1746 году, и по диспозиціи покойнаго генераль-фельдмаршала де Лессіи, во всемъ точно и отменно,— въ мундирныхъ и амуниционныхъ вещахъ исправленъ.“ Благопріятный отзывъ о полку вообще а въ особенности о строевомъ его образованіи, въ значительной степени долженъ быть приписанъ начальнику нашей 3-й дивизіи, графу Петру Шувалову,²¹ который, не смотря на извѣстныя намъ тяжелыя условія командованія дивизіей, считался однимъ изъ немногихъ генераломъ, селезно заботящихся въ мирное время о временно подчиненныхъ ему войскахъ.²² Послѣ окончанія лѣтнихъ сборовъ Рязанцы не покинули Рижскаго уѣзда и заняли виптеръ квартиры: штабъ полка — въ мѣстечкѣ Лемзель, а роты въ киршиляхъ—Лемзельскомъ, Матисъ или Петеркательскомъ, Пернигельскомъ, Убеноромскомъ, Диккельскомъ, Матсяльскомъ, Папендорфскомъ, а частью Вольмарскомъ и Буртненскомъ.²³ Не считая командированныхъ и находящихся въ отпускахъ, всего въ квартиры вступило 1984 человекъ.²⁴ Изъ произшествій внутренняго домашняго характера въ эту зиму слѣдуетъ отмѣтить грустный фактъ разжалованія въ солдаты прапорщика 10 роты Василья Пахомова съ оставленіемъ въ этой же ротѣ „за нѣкоторыя предрзости,“ какъ сказано въ смотровомъ спискѣ.²⁵

Кампанентъ 1754 года начался 30-го мая.²⁶ Наканупѣ выстуления изъ Лемзеля похоронили Рязанцы подпоручика Якова Костяева, умершаго 25-го числа, а затѣмъ двинулись на знакомыя имъ мѣста у Риги. Вскорѣ, съ прибытіемъ въ лагерь, а именно 18-го іюня, состоялся, какъ и раньше бывало, лѣтній инспекторскій смотръ, произведенный оберъ-кригсъ-коммисаромъ Леонтіемъ Карабаковымъ. Смотръ этотъ кромѣ цифровыхъ данныхъ, касающихся численности полка и свѣдѣній объ офицерахъ, ничего намъ не даетъ болѣе.²⁷ Изъ свѣдѣній о перемѣнахъ въ офицерскомъ составѣ заслуживаетъ вниманія убыль секундъ-майора вѣязя Ларіона Тугучева, переведеннаго въ Архангелогородскій полкъ

и капитановъ — командира 10 роты, Михаила Марьяна и 12 роты, Григорья Шетнева, уволенныхъ въ отставку. Поручикъ Константинъ Бурякинъ за дряхлостью и неименіемъ средствъ къ жизни опредѣленъ въ монастырь съ производствомъ въ капитаны. Менѣе нежели въ годъ убыло 14 человекъ офицеровъ, прибыло же 4, а между ними — изъ капитановъ Троицкаго полка, секундъ маіоръ Иванъ Эблеръ и по Именному Ея Величества Указу, изъ солдатъ л.-гв. Измайловскаго полка, прапорщикъ Егоръ Шалимовъ.

Три мѣсяца кампанента незамѣтно прошли въ занятіяхъ строевой экзерциціей, а въ половинѣ сентября объявлено было Высочайше утвержденное росписаніе о расположеніи арміи на вивтеръ квартирахъ. Рязанцамъ онѣ по прежнему отведены въ Рижскомъ уѣздѣ съ важной впрочемъ оговоркою: „такъ какъ состоящіе при С.-Петербургѣ полки въ заботахъ передъ другими излишнѣ употребляемы были, то будущей весной перемѣнить ихъ, нынѣ обрѣтающимся въ Эстляндіи и Лифляндіи полками, по разсмотрѣнію Военной Коллегіи.²⁸ На перемѣну требовалось 6 пѣхотныхъ полковъ и въ число ихъ Военная Коллегія включила Рязанскій.²⁹ Состоя послѣдніе зимніе мѣсяцы въ 3-й дивизіи, въ бригадѣ г. м. Баумана (полки — Рязанскій, 2-й Московскій и Сибирскій), Рязанцы всѣ приказанія, какъ по сборамъ такъ и самому передвиженію получили отъ графа Петра Ив. Шувалова. Выступленіе съ вивтеръ квартиръ назначено на февраль или мартъ 1755 года, смотря по тому, когда прекратятся большіе морозы.³⁰ Къ началу весеннихъ работъ полкъ обязательно долженъ былъ находится въ С.-Петербургѣ. Разставаясь съ Лифляндіей никто конечно и не предполагалъ, что скоро придется опять вернуться туда обратно, но уже не на продолжительную стоянку, а лишь на короткій срокъ, передъ кровавымъ столкновеніемъ съ Пруссіей. Въ С.-Петербургѣ ожидала насъ несложная программа занятій; распредѣлялась она между работами въ загородныхъ царскихъ резиденціяхъ и караульной службою. Одно и другое не было, какъ извѣстно, для Рязанцевъ новостью. Въ полку находились еще лица, помнившія неприглядную столичную жизнь сороковыхъ годовъ; къ счастью однакожь на этотъ разъ она продолжалась не долго. 1-го Ноября 1755 г. полкъ имѣлъ выступить изъ С.-Петербурга и расположиться

на широкихъ квартирахъ въ Новгородской губерніи. Какія обстоятельства вызвали столь неожиданное перемѣщеніе сказано будетъ въ послѣдствіи, пока же остановимся на тѣхъ преобразованіяхъ, вводимыхъ въ войскахъ, въ разсматриваемое время, которыми завершился елизаветинскій періодъ реформъ по военному вѣдомству.

Могучимъ толчкомъ къ реформамъ послужилъ походъ нашъ на Рейнъ въ войну за австрійское наслѣдство. Онъ доказалъ несравненные преимущества русской арміи, но обнаружилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и крупныя недостатки. Устраненіе ихъ возложили на особо учрежденную при Военной Коллегіи комиссію, которая начала дѣятельность свою еще въ 1750 году, почти одновременно съ окончаніемъ заграничнаго похода. Труды этой комиссіи въ важномъ дѣлѣ реорганизации арміи вполнѣ рельефно обрисовались лишь только въ 1755 году, т. е. накануне Семилѣтней войны, когда поневолѣ пришлось оставить всякія внутренніе вопросы, а самую комиссію, не успѣвшую довести до конца начатыхъ работъ, закрыть³¹. Естественно, что такая медленность и излишняя осторожность въ рѣшеніяхъ комиссіи, въ связи съ открывающеюся войною, должна была дать неблагоприятные результаты. Реформы объявлялись не одновременно, много осталось на бумагѣ не выполненнымъ, многое ежели и выполнили то за недостаткомъ времени и средствъ не во всѣхъ частяхъ войскъ и не въ одинаковой степени. Поэтому при изслѣдованіи данной эпохи необходима большая осмотрительность.

Строевое подраздѣленіе полка на 3 баталіона мушкатеръ, по четыре роты въ каждомъ, воинская комиссія оставила безъ измѣненій. Въ этомъ противорѣчій нигдѣ не встрѣчается, за то въ опредѣленіи числа гренадерскихъ ротъ, состоящихъ при полку, онѣ весьма значительны. По существующимъ официальнымъ даннымъ, повтореннымъ съ нѣкоторыми отступленіями даже серьезными изслѣдователями архивовъ, въ полкахъ, съ 9-го іюля 1753 года, было по одной гренадерской ротѣ на баталіонъ, а всѣхъ въ полку три. Такое раздѣленіе въ отношеніи Рязанскаго полка совершенно не вѣрно. По всѣмъ полковымъ спискамъ, начиная съ Шведской войны 1741—1743 гг. и вплоть до 1755 года, у насъ значится одна гренадерская рота. Только при выступленіи полка въ Новго-

родскую губернію впервые встрѣчаемъ три роты гренадеръ, сформированныя слѣдовательно лѣтомъ 1755 года въ С.-Петербургѣ.³² Роты имѣли общую нумерацію отъ 1-й до 12-ой — мушкетерскія, 1, 2, 3 гренадерскія и состояли: мушкетерская—изъ 144 строевыхъ рядовыхъ и 6-ти унтеръ офицеровъ, гренадерская—изъ 200 человекъ. Всего по штатамъ, утвержденнымъ 30-го марта 1756 года, въ пѣхотномъ мушкетерскомъ полку въ военное время числилось: 4 штабъ офицеровъ, 63 оберъ офицеровъ и 2541 нижнихъ чиновъ.³³ Въ вооруженіи пѣхоты измѣненій не произошло. Калибръ ружья остался въ 0,78 дюйма, вѣсъ 14 фунтовъ, длина со штыкомъ 2 аршина 11 вершковъ, безъ штыка 2 аршина 2 вершка. Что касается числа патроновъ, то 20 патроновъ имѣли носили при себѣ, 30—находилось въ патронныхъ ящикахъ.³⁴ Вооруженіе и снаряженіе рядоваго составляли: шпaga, съ кривымъ къ низу, аршинной длины клинкомъ и вырѣзаннымъ на немъ вензелемъ Императрицы; фузея съ трехграннымъ штыкомъ; патронная сума, имѣющая внутри деревянную колодку, съ выдолбленными въ ней въ два ряда гнѣздами для патроновъ; ранецъ и водоносная фляга. Офицеры, кромѣ шпaги съ прямымъ, на обѣ стороны острымъ клинкомъ и вырѣзанной на немъ надписью „Вивать Елизавета Великая“, носили фузею съ гладкой, вызолоченной оправой и ремнемъ, обшитымъ сверху галуномъ, и подсумы для патроновъ изъ красной кожи, съ вызолоченной на крышкѣ бляхой, украшенной полковымъ гербомъ и воинской арматурой.

Новыми штатами увеличивалось число артиллерійскихъ орудій въ полку до 6: двѣ 3-хъ фунт. пушки и четыре 6 фунт. мортирцы. Изъ нихъ, въ мирное время, въ запряжкѣ полагалось держать только половинное число орудій. На каждую 3-хъ фунтовую пушку было по 120 ядеръ и по 30 картечей, уложенныхъ въ двухъ зарядныхъ ящикахъ. Дистанція стрѣльбы 500 шаговъ. Каждое орудіе и каждый ящикъ запряжены парю лошадей при одномъ ѣздомъ.³⁵ Распоряженіе о принятіи добавочныхъ 2-хъ мортиръ, „въ самой скорости“, состоялось 17-го апрѣля 1756 года, но нада полагать, что немногія полки ихъ получили къ началу военнаго похода; помѣшали этому—съ одной стороны мобилизационная суматоха, съ другой—перемѣна калибра полковой артиллеріи.

Такъ, по проекту гр. П. И. Шувалова, создавался особый, усовершенствованный типъ орудій—„Шуваловскія гаубицы“ или „Близпята“, какъ ихъ называли въ арміи. Орудіе состояло изъ 2-хъ небольшихъ 3-хъ фунтовыхъ мортирокъ, съ конусообразной камерой, установленныхъ на одномъ лафетѣ.³⁶ Гаубицы отпускались войскамъ въ замѣнъ двухъ 6 фунтовыхъ мортиръ. Время получения гаубицъ Рязанскимъ полкомъ неизвѣстно; по полковымъ спискамъ онѣ значатся впервые только въ концѣ декабря 1757 года.³⁷

Обозъ полка, причинившій столько хлопотъ въ Рейнскомъ походѣ и оказавшійся по своей конструкціи никуда негоднымъ, штатами 1756 года опредѣлялся въ 102 повозокъ, 219 подъемныхъ лошадей.³⁸ По основному положенію въ обозѣ перевозились запасы продовольствія на 20 дней, кромѣ того 6-ти дневный запасъ въ военное время возился въ особомъ артельномъ обозѣ по 1 или по 2 повозки на роту, 4-хъ дневный же сухарный запасъ имѣлся на рукахъ у людей.³⁹

Что касается обмундированія, то, какъ извѣстно, въ началѣ царствованія Императрицы Елизаветы, оно не было измѣнено. Единственное распоряженіе, отданное 21-го мая 1743 года, устанавливало только одинъ синій или васильковый цвѣтъ эпанчъ, въ замѣнъ краснаго, съ синемъ воротникомъ и таковымъ же подбоемъ. Штаты 30-го марта 1756 года вводили новыя правила обмундированія и снаряженія съ назначительными однакожъ измѣненіями въ существующихъ образцахъ, что изложено подробно въ приложеніи. Обмундированіе офицеровъ и нижнихъ чиновъ сохранило прежніе цвѣта и даже покрой, за то появилась впервые нѣкоторая разница въ повседневной и парадной формѣ. Волосы, по старому, пудрились и завивались въ пукли и убирались въ косу.⁴⁰

Шарфы, прежнихъ образцовъ, надѣвались теперь уже не черезъ плече, а по поясу. Офицерскіе знаки сохранили прежнюю форму. Утвержденные образцы обмундированія въ началѣ Семилѣтней войны были найдены неудобными для похода въ смыслѣ сбереженія здоровья солдата, проектировались измѣненія, но по несвоевременности

возбужденнаго вопроса отставлены; впоследствии, сама война уже заставила ввести нѣкоторыя улучшения въ одежду.⁴¹

Разсужденія комисіи не обошли также и многихъ военно-административныхъ вопросовъ. Между прочимъ рѣшено въ принципѣ ограничить предаіе нижнихъ чиновъ суду, увеличивая соотвѣтственно власть строевыхъ начальниковъ; предполагалось уменьшить власть комисаріата по контролю полковъ и проч.⁴² Но самое капитальное твореніе комисіи — это строевой уставъ, оконченный разработкой въ 1755 году и озаглавленный: „Описаніе пѣхотнаго полковаго строя, раздѣленнаго въ три части, со всеми нужными къ тому примѣчаніями.“⁴³

Какъ извѣстно, въ періодъ съ 1740 по 1746 годъ возстановлена была эскерція Петра Великаго съ дополненіями, данными фельдмаршаломъ Ласси, не нарушающими однакожь по духу устава 1716 года. Съ образованіемъ въ полкахъ 3-хъ баталіоновъ понадобилась дополнительная инструкція для ихъ построенія, которую и составилъ въ 1747 году генераль Степанъ Апраксинъ.⁴⁴ Имѣлись еще инструкціи: кн. Репнина для парадовъ и гр. П. И. Шувалова для изъясненія командъ при маршированіи.⁴⁵ При массѣ отдѣльныхъ инструкцій и дополненій пересмотръ Устава 1716 года являлся крайней необходимостью, хотя бы ради установленія одного общаго, направляющаго начала въ строевомъ образованіи. Къ сожалѣнію, комисіа слишкомъ подчинилась вліянію идей, появившихся въ военной литературѣ того времени, ударилась въ крайности, отчего не спасла ее даже нѣкоторая самостоятельность въ разработкѣ деталей строя, въ результатѣ же во многомъ отступила отъ правилъ строевой службы Петра Великаго.⁴⁶ Раздѣленный на три части уставъ заключалъ: въ 1-й — правила расчета полка, встрѣчи начальника, выноса знамени, ружейные приемы и нѣкоторыя основанія одиночнаго ученія; во 2-ой — полковое ученіе, съ указаніями относящимися до одиночнаго образованія, въ 3-й — правила церемоніальнаго марша, роспускъ полка, унтеръ офицерскіе приемы, барабанный бой и т. д. Отсюда видно, что одиночная подготовка, такъ рельефно выдѣленная Петромъ, въ уставѣ 1755 года терялась, будучи разбита по всеѣмъ частямъ его; затѣмъ, новый уставъ не заключалъ вовсе важнѣй

шихъ отдѣловъ полевой и гарнизонной службы, которыя, такимъ образомъ, предоставлялись произволу войсковыхъ начальниковъ. Ружейные приемы, на которые уставъ обращалъ особенное вниманіе, въ сущности остались тѣ же, что и въ 1716 году, но съ указаніемъ мельчайшихъ подробностей въ исполненіи темповъ. Высшая степень совершенства заключалась въ метаніи артикуловъ безъ командъ, по знаку флигельмана. Слѣдуя за иностранцами убѣжденію, что успѣхъ въ бою зависитъ исключительно только отъ огня, составители устава построили все обученіе солдата на приемахъ заряжанія и стрѣльбы. Заряжаніе состояло изъ 12-ти темповъ съ подраздѣленіями, такъ что всѣхъ было 17 приемовъ для заряжанія. Главные изъ нихъ, какъ то: скуси патронъ (такъ чтобы немного пороху осталось въ зубахъ), приберй однимъ махомъ, сынь порохъ на полку (однимъ разомъ, а нетрася патронъ), не отличались опредѣленностью и удобствомъ исполненія. При всемъ этомъ благопріятныхъ результатовъ стремились достигнуть не работой надъ каждымъ солдатомъ отдѣльно, но суровостью тѣлесныхъ наказаній. Скорость заряжанія была поставлена на первомъ планѣ. Но ежели кто отъ поспѣшности бросить патронъ на землю, то „сѣчь онаго передъ полкомъ батогами“. За двѣ осѣчки назначались палки и т. д. Строй полка оставался въ 4 шеренги и только въ рѣдкихъ случаяхъ для стрѣльбы разрѣшалось перестраивать въ 3 шеренги. Дистанція между шеренгами равнялась 3 шагамъ, слѣдовательно въ глубину строй имѣлъ 10 шаговъ, а съ замыкающими 14. Рота въ строевомъ отношеніи потеряла всякое значеніе. По примѣру строя Запад. Европы единицей считался баталіонъ, раздѣленный на дивизіоны, въ зависимости отъ числа людей, одинъ, два, три или четыре дивизіона. По нормальному расчету баталіонъ состоялъ изъ 4 дивизіоновъ (не менѣе 480 человекъ). Дивизіонъ раздѣлялся на 4 взвода; взводъ составлялъ наименьшее подраздѣленіе роты. Гренадерскія роты имѣли 6 взводовъ. Одиночной стрѣльбы не существовало, былъ только огонь частями самыхъ разнообразнѣйшихъ видовъ.⁴⁷ При наступленіи стрѣляли полудивизіонами, при отступленіи черезъ плутонгъ; при форсированію переправъ — выстунными плутонгами;⁴⁸ противъ неважнаго непріятеля стрѣльба отступными плутонгами, рядами и шеренгами, наконецъ залпъ полкомъ и ударъ въ штыки. Полковую артил-

лерію уставъ принималъ только въ 4 орудія. Орудія размѣщались: въ развернутомъ строѣ полка — на правыхъ флангахъ 1, 2 и 3 баталіоновъ, а четвертое орудіе на лѣвомъ флангѣ 3 баталіона, при построеніи каре орудія находились въ углахъ, а въ баталіонной колоннѣ на флангахъ. Основнымъ типомъ строя признавался только строй развернутый, изъ него производили все виды огня. Развернутый строй видоизмѣнялся въ зависимости отъ случайностей боевой обстановки. Такъ, для отраженія кавалеріи онъ перестраивался въ ротныя колонны, т. е. иначе, каждая рота строила каре; для переправы, походныхъ движеній и противъ тонкихъ линій непріятеля строились колонны. Колонна для прозвоненія непріятельскаго фронта заслуживаетъ особеннаго вниманія: она строилась только изъ одного баталіона, имѣя 2-й и 3-й баталіоны въ колоннѣ за первымъ, не ближе 12-ти шаговъ. Колонны могли быть изъ различныхъ частей фронта, глубиною же не болѣе $1\frac{1}{2}$ и не менѣе $1\frac{1}{4}$ ширины фронта. Гренадеры не входили въ общій расчетъ и вмѣстѣ съ орудіями полковой артиллеріи прикрывали фланги; тылъ прикрывался резервомъ мушкетеръ въ три взвода (плутонга). Если обстоятельства боя заставляли перейти отъ наступленія къ оборонѣ, то указывался способъ перестроенія для открытія огня. Совмѣщеніе колонны съ линейнымъ механическимъ строемъ и увлеченіе огнемъ въ невѣроятныхъ размѣрахъ составляло характерную черту новаго устава. Въ Зап. Европѣ въ то время шелъ споръ о преимуществахъ линейной и глубокой тактики, т. е. огня передъ штыкомъ. Наши составители устава, видимо, предпочитая огонь, не желали отказаться и отъ штыка. Но сдѣлали это ужъ черезъ чуръ перфшитительно. Колонна рекомендовалась въ исключительныхъ случаяхъ, а не какъ обыкновенный строй для атаки. Давая безконечное число типовъ для построенія, открытія огня и проч., уставъ оговаривалъ, что за наилучшій способъ почитается тотъ, которымъ непріятеля побѣдить можно, иначе, исполнителямъ не возбранялось создавать свои собственные типы въ рамкахъ устава. Къ несчастью, важная эта оговорка упоминалась вскользь, помѣщена была гдѣ то въ концѣ устава, не проникла въ духъ его. Неудивительно, что масса и бросилась изучать готовые маневры, предпочитая ихъ самостоятельному размышленію.

Въ числѣ первыхъ полковъ, получившихъ уставъ 1755 года, находился конечно и Рязанскій полкъ, какъ квартирующій въ то время въ Петербургѣ. Воображаемъ, что творилось тогда, какія начались занятія, чтобы достигъ совершенства въ экзерциціи. Всѣхъ старыхъ солдатъ буквально надо было переучивать на новый ладъ. А тутъ еще формированіе 2-хъ гренадерскихъ ротъ, затѣмъ приказъ о выступленіи въ Новгородскую губернію въ составъ дивизіи генерала Фермора. Изъ С.-Петербурга тронулись Рязанцы въ началѣ ноябрю и на зимнія квартиры стали 14 числа того же мѣсяца: полковой и ундеръ штабы въ слободахъ — Хутынской, Деревяницкой, да въ деревнѣ Ямской, — роты по окрестнымъ деревнямъ. Наибольшое удаленіе ротъ отъ штаба полка 68 верстъ (11 мушкетерскихъ), наименьшее — 12 верстъ. Смотря по величинѣ населеннаго пункта, на роту приходилось отъ 5 до 11 деревень.⁴⁹ Здѣсь то встрѣтилъ полкъ большую часть приказовъ о реформахъ, отсюда же выступилъ въ военный походъ. Окончательными приготовленіями къ походу не пришлось распорядиться полковнику Фасту — произведенный въ генераль-маіоры, минуя бригадирскій чинъ, онъ сдалъ командованіе полкомъ 25-го декабря 1755 года вновь назначенному полковнику Матову. Полковникъ Евдокимъ Матовъ началъ службу 15-го ноябрю 1721 года въ рядахъ Л.-Гв. Семеновскаго полка; въ 1727 году былъ капитаномъ, въ 1734 году капитанармусомъ и въ томъ же году пожалованъ чиномъ поручика съ переводомъ въ армію. Первый штабъ-офицерскій чинъ полковникъ Матовъ заслужилъ 1-го января 1744 года.⁵⁰

Новгородская наша стоянка не была продолжительной. Событія послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ неуклонно вели къ грозной, кровавой расправѣ съ Пруссіей, вопреки стараніямъ недальновидной дипломатіи, рассчитывавшей до послѣдняго момента обезпечить торжество Россіи полумѣрами, въ родѣ унижительныхъ для русскаго имени соглашеній, отдающихъ за деньги иностранцамъ наши вооруженныя силы. Разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Пруссією подѣловалъ еще въ 1750 году, и напряженность обстановки, какъ извѣстно, рѣзко чувствовалась полкомъ. Спустя три года, канцлеръ Бастужевъ, сознавая непрекращавшуюся опасность со стороны Фридриха II, придумалъ новую комбинацію: по соглашенію

съ Англією и на ея золото содержать въ Лифляндіи корпусъ войскъ, который бы выступилъ противъ Пруссіи въ случаѣ нападенія этой державы на земли короля англійскаго, на континентѣ (Ганноверѣ) или же на земли его союзниковъ. Въ это время много говорили о желаніи Фридриха II захватить Ганноверъ. Не смотря на явное отвращеніе Императрицы къ такой сдѣлкѣ, Бестужевъ достигъ цѣли. 6-го сентября 1755 года конвенція съ Англією была заключена. Рязанскій полкъ, готовясь войти въ корпусъ „диверсіи“, оставилъ С.-Петербургъ. Вскорѣ однакожь пришлось убѣдиться, что не интересы Англии въ Ганноверѣ, а свои, родные, надо будетъ отстаивать. Фридрихъ II не дремалъ. Онъ пошелъ навстрѣчу событіямъ, разорвалъ традиціонную дружбу съ Францією и ловко заключилъ съ Англією союзъ (16-го января 1756 года). Выходило теперь, что Россія должна будетъ защищать Пруссію. Пораженіе нашей дипломатіи было полное. Россія оказалась одна, безъ союзниковъ, лицомъ къ лицу съ врагомъ, вовсе не готовая къ серьезной войнѣ. 30-го марта 1756 года послѣдовалъ рядъ указовъ о приведеніи арміи на военное положеніе и одновременно завязаны переговоры съ Австріей о союзѣ противъ Пруссіи, къ ко- ему впоследствии примкнули Франція и Саксонія. Конвенція съ Англією была расторгнута.

Приказъ о мобилизаціи засталъ насъ, что называется, въ разгарѣ мирной, преобразовательной дѣятельности, вовсе не соответствующей виѣшнимъ ослабженіямъ. Гренадерскія роты, считаясь сформированными, на самомъ дѣлѣ далеки были отъ этого. Такъ, при вступленіи въ квартиры, въ семи ротахъ состояло всего старыхъ гренадеръ 140 человекъ, новыхъ 69, т. е. по штату не доставало 391.⁵¹ Относительно гренадерскихъ ротъ, однимъ изъ первыхъ же мобилизаціонныхъ указовъ, 30-го марта 1756 года, послѣдовало важное распоряженіе. Обыкновенно съ началомъ кампаніи, гренадерскія роты выдѣлялись изъ полковъ для самостоятельныхъ дѣйствій, сводились въ отдѣльныя гренадерскія части, временные начальники которыхъ не знали ни людей ни офицеровъ, а тѣ, въ свою очередь, начальниковъ. Подобная организація страдала крупными недостатками. Дабы избѣжать ихъ, повелѣно было, нынѣ же, третьи гренадерскія роты отъ полковъ отобрать и сформиро-

вать новыхъ 4 гренaдерскихъ полка. Въ мушкетерскомъ полку такимъ образомъ, вмѣсто трехъ имѣли остаться только двѣ гренaдерскія роты. Само собою разумѣется, что указъ не избавлялъ Рязанцевъ отъ заботъ о надлежащемъ устройствѣ этой роты; она отправлена была изъ полка весною 1756 года, уже на походѣ въ Лифляндію, и поступила на сформированіе гренaдерскаго № 4 полка, вышѣ 1-й Лейбъ-Екатеринославскій Гренaдерскій Императора Александра III полкъ.⁵² Мушкетерскія роты, по количеству состоящихъ въ нихъ людей, не въ лучшемъ находились положеніи. До штатовъ военнаго времени не доставало въ 12 ротахъ: рядовыхъ 544, унтеръ-офицеровъ 63, весь же некомплектъ нижнихъ чиновъ съ 3-мя гренaдерскими ротами, равнялся 821 чел.⁵³ Пополнить его можно было только рекрутами, но нескоро, вслѣдствіе сложности механизма рекрутскаго набора.⁵⁴ Напримѣръ, послѣдній наборъ передъ войною, объявленный въ 1754 году, слѣдовало окончить къ 1-му апрѣля 1755 года. Несмотря на это, а равно на разрѣшеніе вести рекрутъ прямо въ полки, минуя гарнизоны, въ которыхъ они обыкновенно обучались элементарнымъ правиламъ строя, рекруты (306 ч.) прибыли въ полкъ въ концѣ года, и то не въ указанномъ числѣ. Обширность рекрутскихъ участковъ, недостатокъ путей сообщенія, много способствовали запозданію. Теперь дѣло обстояло еще хуже. Полкъ не могъ выступить въ опредѣленномъ штатами числѣ.⁵⁵ Офицерскій составъ, на рѣдкость, имѣлъ полный комплектъ. Такъ, изъ списка о смотрѣ, произведенномъ въ С.-Петербургѣ 12-го августа 1755 года Тобольскаго полка полковникомъ кн. Долгоруковымъ видно, что въ офицерахъ былъ даже излишекъ (5 штабъ офицеровъ, 73 оберъ-офицеровъ), на что сложилось—производство 25-го апрѣля того года 14 сержантовъ въ прапорщики и зачисленіе въ полкъ 22 оберъ-офицеровъ изъ другихъ частей, въ числѣ послѣднихъ находились офицеры, перешедшіе изъ иностранныхъ армій—Французской—поручикъ Вестеръ-Странгъ, принятъ чиномъ капитана, пруской—подпоручикъ Бокельбергъ и шведской, подпоручикъ Фонъ Ренго, принятые тѣми же чинами.⁵⁶ Къ веснѣ 1755 года среди офицеровъ рѣзкихъ переменъ не произошло. Остается коснуться еще важнаго отдѣла мобилизаціи, а именно готовности къ походу полковаго обоза. Свѣдѣнія объ этомъ чрезвычайно скудны. Имѣлъ-ли

полкъ положенныя по штату повозки, исправность ихъ и проч. неизвѣстны. Допустивъ однакожь полную исправность матеріальной части, остается еще разрѣшить вопросъ о лошадяхъ. При полку, къ 14-му ноября 1755 года, находилось всего 68 подъемныхъ и 24 артиллерійскихъ лошадей.⁵⁷ Не хватало значить подъемныхъ, т. е. обозныхъ, 151, артиллерійскія лошади были въ полномъ комплектѣ, такъ какъ добавочныя 3 орудія и ящики къ нимъ получены въ скорости быть не могли; обозныя лошади доставлялись по военно конской повинности населеніемъ съ извѣстнаго числа душъ (въ 1756 году съ 610 душъ взято по одной лошади.)⁵⁸ Срокъ для поставки лошадей назначался отъ 2—4 мѣсяцевъ, но въ дѣйствительности тянулася гораздо дольше и полкъ ранѣ августа или сентября рассчитывать на нихъ не могъ.

Весь успѣхъ мобилизаціи зависѣлъ, какъ видимъ, главнымъ образомъ, отъ времени. Дадутъ-ли намъ пруссаки изготovitъся, съумѣетъ-ли русская дипломатія, хотя въ этотъ критическій моментъ, помочь арміи. Но ошибки дипломатіи были непоправимы; легкомысленный образъ дѣйствій ея возбуждалъ подозрѣніе союзниковъ. Въ нашу готовность, въ нашу непреклонную рѣшимость вступить въ борьбу съ Пруссіей не вѣрили ни Австрія, ни Франція, ни даже ничтожная Саксонія. Въ концѣ мая, т. е. на второй мѣсяцъ боевыхъ сборовъ полка, получается вдругъ распоряженіе приостановить приготовленія къ войнѣ. Австрія заявила, что нынѣшнимъ лѣтомъ не можетъ начать ее. Трудно допустить, чтобы приготовленія совершенно прекратились, но одно такое приказаніе могло уже ослабить энергію. Наступило кажущееся затишіе. Рязанскій полкъ тѣмъ не менѣе покинулъ зимнія квартиры и малыми маршами направился въ Лифляндію, гдѣ въ окрестностяхъ Риги собирались въ кампанентъ войска 2-й дивизіи генерала-аншефа гр. Александра Ивановича Шувалова, вступившаго въ командованіе дивизією вмѣсто Фермора. До какой степени обстановка считалася не внушающей опасеній доказываетъ, утвержденная 9-го іюля, репортиція о расположеніи арміи на зиму.⁵⁹ По репортиціи Рязанцамъ опредѣлялись квартиры въ Великихъ Лукахъ, другимъ же полкамъ нашей дивизіи—кому въ Нарвѣ, кому въ Торонцѣ и въ Отковѣ. Въ теченіи лѣта посланы правда вѣсти о намѣреніи

пруссакѣ вторгнуться въ Курляндію, но онѣ оказались ложными, что еще болѣе успокоило петербургскія сферы. Окончанія кампанента ожидали со дня на день. Въ полку шелъ осмотръ оружья и артиллеріи, производимый распоряженіемъ генераль-фельдцейхмейстера,⁶⁰ какъ вдругъ грянулъ громъ изъ яснаго неба.

Предвидя угрожающую опасность, Фридрихъ II рѣшился дѣйствовать, а не выжидать пока изготовятся и условятся союзники. Онъ потребовалъ отъ Австріи объясненій по поводу ея вооруженій, а равно обязательства не нарушать мира въ два послѣдующіе года. Австрія дала уклончивый отвѣтъ. Тогда Фридрихъ II въ концѣ августа 1756 года вторгся въ Саксонію и полнымъ разгромомъ этого королевства открылъ войну. Правительство наше, еще 18-го августа, какъ бы предчувствуя опасность, повелѣло возобновить военныя приготовленія, но, все же, разразившіяся событія застали насъ въ рослохъ. Куда тамъ было думать о винтеръ квартирахъ. 19 сентября главнокомандующимъ арміей назначенъ генералъ аншефъ Степанъ Апраксинъ. Разбитому союзнику, Саксоніи, обѣщена скорая по нынѣшнему годовому времени помощь, замѣтимъ, безъ формальнаго объявленія манифестомъ войны Пруссіи. Манифестъ послѣдовалъ лишь годъ спустя (16-го августа 1757 года.) вмѣсто квартиръ въ Псковской области Рязанскій полкъ остался расположеннымъ близъ Риги, въ Лифляндіи, въ Сисегальскомъ киршилѣ, во 2-й дивизіи или главномъ корпусѣ арміи, подъ начальствомъ генерала Лопухина.⁶¹ Здѣсь то впервые на смотру увидали Рязанцы своего главнокомандующаго Апраксина, прибывшаго въ Ригу изъ С.-Петербурга 10-го ноября. На очереди стоялъ вопросъ: начинать-ли обѣщанную Саксоніи диверсію немедленно или же отложить кампанію до весны? Связанный въ своихъ распоряженіяхъ конференціею, учрежденной при Высочайшемъ Дворѣ для завѣдыванія дѣлами политики и войны, Апраксинъ сразу очутился въ невозможныхъ условіяхъ. Первое время однакожь выдерживалъ характеръ. Такъ, убѣдившись въ совершенной неготовности войскъ, онъ смѣло отвергъ три настойчивыхъ указа конференціи отъ 6, 7 и 9 ноября, предписывающихъ открыть зимній походъ „и замыслы короля прусскаго уничтожить.“ Рѣшеніемъ военнаго совѣта 11-го декабря постановлено: зимою только

закончивать мобилизацію, сосредоточиваться къ границамъ, въ случаѣ же перехода пруссаковъ въ наступленіе, не дожидаясь нападенія, самимъ всею силою атаковать. На этотъ случай казачьи части, несшія на границѣ форпостную службу, были усилены, нашему же Рязанскому полку приказано выдвинуться впередъ и занять Вильно, важный узелъ дорогъ, ведущихъ съ верховьевъ рѣкъ Двины и Днѣпра въ Ковно.⁶²

Серьезной задачей, такимъ образомъ, начинали Рязанцы 1757 годъ.

